

Корчев

Не спят боспорские цари—
Кидают жадным чайкам крошки.
Люблю в мерцании зари
Твои курганы и «заброшки»,
Твои баркасы на боку,
Твои прибрежные бараки,
Изгиб тропинки к маяку,
Под первым снегом буераки.
Спешу с площадки смотровой
На торжища Пантикапея.
На древней лестнице кривой
Воздушного пускаю змея.
Грифоны, башни, якоря...
Старт в безымянные моря!

Фиолент

Сюрреалистическое лето.
На закате врубелевский Пан
Курит возле моря сигарету...
В тучах затонул аэроплан.
Тихо.
Смолкнул шум на автотрассе
За грядой известняковых глыб.
Жаль, что браконьерские баркасы
Распугали всех летучих рыб.
В сумерки ныряешь, словно нерпа,
Доверяя пению цикад.
Непередаваемое небо
Обещает долгий звездопад,
Вспышки с неземного полигона,
Акварельный ультрафиолет,
Пламенные лики листригонов
Возле гротов мыса Фиолент.

Праздник

Закат прожигает газоны,
Котельную, трассу, гараж.
Приметами зимней промзоны
Пронизан январский пейзаж.
Мерцают пакеты повсюду.
Тревожны конструкции ЛЭП...
Вдруг божья коровка—
О чудо!—
Приносит нам с облака хлеб!

Рисунок свободы

1.

Распознаю отчётливый рисунок:
Окрестных гор колючие углы;
Как дети из непризнанных республик—
В терновнике нахохлились щеглы.
Но солнечное лезвие с востока—
С чертополоха срезало звезду.
И терпкость от гранатового сока
Особо ощущается в саду.

2.

Как дальше жить, когда алеет дикий
Запутанный изящный виноград?
На набережной хитрые коты,
Как сфинксы, тихо караулят крабов.
Прозрачные пиратские суда
Идут над бурунами Кара-Дага.
Ты думаешь, что это облака.
А это—эфемерные фрегаты.
В осенних рощах оживает Климт:
Мерцают мозаичные деревья.
И яркие цветные драпировки—
Как память о земле обетованной.

3.

Я говорю о внутренней свободе,
О золотом сечении души,
Осознанной причастности природе,
О линиях, достойных Ци Байши;
О лёгких иероглифах мороза
В лазурных окнах после темноты...
О вечности, о виноградных лозах,
К которым можешь дотянуться ты.

В Нижнемартовск хочется упрямо,
Где рассвета хрупкий цикламен,
Где потомки Евы и Адама
Сладко спят в эпоху перемен,
Где весна одета так нелепо
После евразийских холодин.
Тишина в Луганске. И Алеппо
Навещает доктор Аладдин.

Здесь остров Кирки путают с Итакой.
Цветёт сосна. Виляет хвост собакой.
Говеют в Масленицу.
Жарят мясо в пост.
Над степью строят современный мост.
Глухой всё слышит, а немой поёт.
Ведёт паломников слепой экскурсовод.
Здесь выходной—как тяжкая работа.
Здесь покупают зубы кашалота
И уголёк из цинковых белил.
Мне кажется, я здесь тебя любил.

Не делись своим ядом. Отчаянья не умножай.
Собирай в одиночестве в поле гнилой урожай.
Умолчи про разбитую вазу, высокий забор
И о том, что к тебе чужаки подселились во двор.
Не делись своим ядом. В том смысла особого нет.
Всё равно не напишет стихи твой любимый поэт.
Будут бешено гракать над чёрным платаном грачи...
Но об утре воскресном, пожалуйста,—не промолчи!